

Population Processes

Has been issued since 2016.
E-ISSN 2500-1051
2018, 3(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Editor in Chief)

Alekseenko Aleksandr – S. Amanzholov East Kazakhstan state University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Delić Nino – Institute of History, Belgrade, Serbia

Kashkin Sergei – Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Rajović Goran – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Shumilov Vladimir – Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation

Tišliar Pavol – Comenius University, Bratislava, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska
str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak
Republic, 831 04

Release date 23.09.18.

Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.

Website: <http://ejournal44.com/>
E-mail: aphr2010@mail.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House Researcher s.r.o. Order № 4.

Population Processes

2018

Is. **1**

C O N T E N T S

Articles and Statements

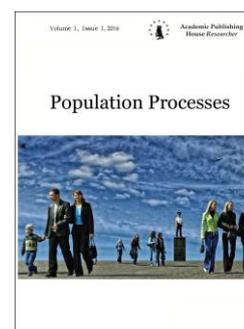
Population of Montenegro: Basic Demographic Indicators, Population Growth by Regions, Working Age Population J. Bulatović, A. Mladenović, G. Rajović	3
Integration Policy of Ukraine with Regard to Women who Suffered the Military Conflict: Sociological and Legal Aspects V.O. Torianyk	8
Environmental Migration: Challenges for Contemporary International Law V.M. Zavhorodnia, Y.A. Polianska	16

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Population Processes
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-1051
2018, 3(1): 3-7

DOI: 10.13187/popul.2018.3.3
www.ejournal44.com

Articles and Statements

Population of Montenegro: Basic Demographic Indicators, Population Growth by Regions, Working Age Population

Jelisavka Bulatović^{a,*}, Aleksandra Mladenović^a, Goran Rajović^{b,c}

^a College of Textile Design, Technology and Management, Belgrade, Serbia

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes basic demographic indicators, population growth by regions, working age population in Montenegro. In the inter – census period (2003–2011) is noticeable decrease in the population of the Northern region Montenegro (– 7.2 %), while in the central and coastal region marked an increase of 5.9 % and 3.7 %. Migration balance at the level of Montenegro in the period 2003–2011 shows a negative trend and amounted to – 10.433, by region: North – 17.161, Maritime – 2.068, 4 Central – 4.659. Number of working-age population, broken down by regions, growth was is recorded in the Central (8.4 %) and the Southern region (14.0 %), while the in North region reduced (- 4.7 %). It is concluded that far reaching solutions should be sought first of all increasing fertility, which will stimulate gradual rejuvenation of the age structure. Other a group of measures relates to immigration, and the third to increase youth employment stopping their mass eviction.

Keywords: Montenegro, population, regions.

1. Introduction

Montenegro is located in South-Eastern Europe on the Balkan Peninsula, covering an area of 13.812 km² and having 620.029 inhabitants. Population density of 46 inhabitants per km² puts Montenegro among the countries with the lowest population density. “Compared with countries in the region, density is lower than in Bosnia and Herzegovina (75), Croatia (56.56), Serbia (88.4), Slovenia (102), Macedonia (83). Urban population accounts to 63 % of the total population in Montenegro. According to the census from 2011 – 620.029 people live in Montenegro out of which 1.3 % is more than in 2003 – year in which the previous census was carried out. In regard to 2011, the highest number of inhabitants is in the central region 293,509 (47.3 %), then in the northern region – 177.837 (28.7 %), while the coastal region is the region with the lowest population density – 148.683 (24.0 %). In the inter-census period, it was evident that there was a reduction in the population in the northern region, while the central and coastal recorded an increase” (Despotović et al, 2015). Jackson and Howe warn that “...demographic aging will affect more than the size and structure of the population and economy. The burgeoning proportion of elderly in the population,

* Corresponding author

E-mail addresses: jelisavka.bulatovic@gmail.com (J. Bulatović),
alexandra_mladenovic@ymail.com (A. Mladenović), dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

the smaller size of families, and growing ethnic diversity promise to recast every facet of society from the popular culture to politics. More fundamentally, they could shift society's overall direction and political agenda" (Jackson and Howe, 2008).

Future demographic processes, which have arisen from the current situation, and which are in the long-term formed on the basis of demographic inertia, will effect the social structure and social relationships in a more powerful way (Nejašmić, 2002). "An exceptionally high natural rate of decline, significant population aging and the appearance of a negative external migration balance confirms the conditions for a new period of very slow population substitution. This is further fueled by the economic recession, high unemployment rate, unstable society and all systems within the society ..." (Šterc and Komušanac, 2011).

2. Methodology

The core of the methodological method used in this research is an analytical and synthetic method. The analytical method considered the individual dimensions of the subject of the research, and the synthetic method of the whole, that is, the interconnections between objects and proposed measures deriving therefrom.

3. Results and discussion

Table 1 shows the distribution of the number, change, growth rates, population density and the average age of the population in the period from 2003–2011. According to the Ministry of Economy of the Government of Montenegro (2008) and Office of Montenegro – Monstat (2014) more than 50 % of the national territory of the North region of Montenegro is inhabited by less than a third of the total population, while nearly a quarter of the population inhabits only slightly more than 10 % of the territory of the coastal region. In the inter-census period is noticeable decrease in the population of the Northern region (– 7.2 %), while in the central and coastal region marked an increase of 5.9 % and 3.7 %. These changes are caused by the natural movement of the population, as well as a pronounced migration flows directed from north to central and coastal part of the country.

Table 1. Basic demographic indicators in Montenegro

Regions	Population 2003	Population 2011	Change 2011/03	Rate of growth 2011/03(%)	Population %	Density of population	Average age of the population
Northern	191.610	177.837	-13.773	-7.2	28.7	24.35	37.3
Central	277.279	293.509	16.230	5.9	47.3	59.69	36.6
Maritime	143.378	148.683	5.305	3.7	24.0	93.45	38.4

Source: Ministry of Economy Government of Montenegro (2008) and Statistical Office of Montenegro – Monstat (2014)

As the data in Table 1 on one side, the population in the northern region is reduced in period from 2003 - the year 2011 with 191.619 to 177.837 inhabitants, i.e. 13.773 or a rate of – 7.2 %, on the other side of the population in the coastal region has increased by 5.305 people, or from 143.378 to 148.683, or by 3.7 %, while in the Central region recorded a population increase of 16.230 or from 277.279 to 293.509 or by 5.9 %. In addition, the average density ranged from 24.35 in/km² in the North region, 59.69 in/ km² in the central to 93.45 in/km² in the coastal region. Judging by presented analytical indicators, population of Montenegro marks the threshold of demographic aging, the demographic age and deep demographic age. It is obvious that to the fore coming demographic momentum (demographic inertia), which determines the projected changes in the age structure (Keyfitz, 1971). To be reconvened "circulars vicious" are depopulation (partial and total) and changes in the composition of age in the direction of further aging of the population. The average age of the population in the Central region was 36.6, 37.3 in the North and the Southern 38.4. To understand the demographic factors that cause population aging, demographers often refer to stable populations (Preston et al, 2001). This population model assumes that age-specific fertility and mortality rates remain constant over time, and these results in a population

with an age distribution that stabilizes and eventually becomes time invariant as well. Conversely, this theoretical model suggests that any change in age structure, and population aging in particular, can only be caused by changes in fertility and mortality rates. The influence of changes in fertility rates on population aging is perhaps less intuitive than that of mortality rates. Everything else constant, however, a fertility decline reduces the size of the most recent birth cohorts relative to the previous birth cohorts, hence reducing the size of the youngest age groups relative to that of the older ones (Gavrilov, Heuveline, 2003).

Table 2. Population growth by regions (2003-2011)

Geospace	Natural increase (2003–2011)	Migration balance (2003–2011) ¹
Northern	3.388	-17.161
Central	11.571	4.659
Maritime	3.237	2.068
Montenegro	18.196	-10.434

Source: Ministry of Economy Government of Montenegro (2008) and Statistical Office of Montenegro – Monstat (2014).

In the reporting period 2003–2011, there was a positive population growth in all three regions (Maritime – 3.237, North – 3.388, Central – 11.571). Migration balance population is the difference between the number of allocated and the number of settlers in a given period. Migration balance at the level of Montenegro in the period 2003 - 2011 shows a negative trend and amounted to – 10.433, by region: North – 17.161, Maritime 2.068, 4.659 Central. According to data of the Statistical Office of Montenegro – Monstat (2014) the total number of the population moved around within Montenegro in 2013 amounted to 4.374 inhabitants; the majority of the population are women with 55.7 % or 2.438, while men make up 44.3 % of the total, or 1.936 inhabitants. Women aged 0 to 34 and over 65 and over will be moving more than men the same age. The biggest difference is in the age group of 20 to 24 years and amounts to 276; Men are the majority in the age groups from 35 to 64 years. The biggest difference compared to women in the age group of 55 to 59 years and is 37.

First, the baseline size of the population and its distribution by age and sex are essential, sometimes augmented by other characteristics such as region, urban/rural or race/ethnic group. Second, fertility, mortality, and net immigration by age and sex are used to project the population forward based on age/time/sex accounting identities. If fertility has been declining for ten years the analyst would probably project it to continue to decline, but for how long and to how low a level, and is a rebound expected in the more distant future? If mortality has been declining for the past century, the analyst will expect it to continue to decline, but there is uncertainty and controversy about the pace of decline and whether there is a near upper limit to human life expectancy such that life expectancy gains will decelerate as this limit is approached (see Vaupel, 2010; Olshansky et al, 2005). According to Chawla et al (2007) the Balkans, along with the rest of Eastern Europe, have suffered the effects of a “third demographic transition”, which would be the trend of rapid population ageing occurring under the conditions of unprecedentedly slow and weak institutional development. In a state of high unemployment rate, the demographic trend which implies a high workforce outflow is regarded as a solution to the problem of unemployment, like in the Balkans. But in the long run, the population ageing will undoubtedly present a threat to economic growth, because it leads to a decline of working-age population and ageing of the labour force. Ageing of the workforce can affect its productivity because older workforce cannot produce at the same level of output a younger one could, though the more recent findings on the issue are assorted (Bloom et al., 2010; Mendryk and Dylon, 2013).

¹ The migration balance is obtained based on the difference in population between the two censuses and natural increase for the period from 2003–2011.

Table 3. Working age population (15–64 years) by region

Geospace	2003		2011		Change 2011/2003 Rate of growth (%)	
	Number	Participation (%)	Number	Participation (%)		
Northern	123.191	30.87	117.647	27.90	-5.544	-4.5
Central	186.086	46.63	201.695	47.83	15.609	8.4
Maritime	89.772	22.50	102.351	24.27	12.579	14.0
Montenegro	399.049	100.00	421.93	100.00	22.644	5.7

Source: [Ministry of Economy Government of Montenegro \(2008\)](#) and [Statistical Office of Montenegro – Monstat \(2014\)](#)

Working age population in the period 2003–2011 at the level of Montenegro increased by 22.644 inhabitants, which represents a growth rate of 5.7 %. Broken down by regions, growth was recorded in the Central (8.4 %) and the Southern region (14.0 %), while the number of working – age population decreased in the North region (– 4.7 %). Such a trend may be a limiting factor for the development of the North region. Ageing recently became a very important policy issue, as it has wide-ranging implications in various areas of social, economic and political life. The most important side-effects of the ageing process include: increasing public expenditure on pensions, social security and health services, caused directly by the growing number of elderly (and thus of pensioners) in the population; a decreasing percentage of people in the working age, causing a shrinkage of the labor force and an increase in the overall burden on the working population in terms of various intergenerational transfers: taxes, other contributions, family support etc.; increasing risk of failure of repartition (pay-as-you-go) pension systems; growing demand for medical care and changing public health patterns (even though the elderly become relatively fitter and healthier); increasing risk of the emergence of intergenerational conflicts, due to the changes in the patterns of resource distribution between the generations ([Bijak et al,2007](#)).

4. Conclusion

The EU population is expected to continue increasing in the near future, as well as the population in southern and western Europe, the German-speaking and the Nordic countries and the Caucasus. Conversely, eastern Europe as a whole might experience a population decline. In 2030 Germany is projected to have the largest population of EU countries, followed by France métropolitaine and the UK. Among all the considered European countries, the Russian Federation could be leading in terms of population size ([Mamolo and Scherbov, 2009](#)). The demographic ageing phenomenon is present in all Balkan countries, even in Montenegro but the intensity and the stadium of the process differ, depending on numerous factors. This is a result of cultural, religious and ethnic heterogeneity, as well as different socio-economic and political processes that occurred during the second half of the 20th and the beginning of the 21st century ([Kotzamanis, 2001](#)).

Our research records are based on similar research [Nejšamić and Toskić \(3013\)](#) indicates that the failure of demographic processes by spontaneous flows undoubtedly leads to deepening economic and social crises and threatens overall development. In order to slow down the process of aging of the population of Montenegro and mitigate its consequences, it is necessary to increase fertility, which will result in a gradual rejuvenation of the age structure (see [Rajović, Bulatović, 2018](#); [Bulatović and Rajović, 2018](#)). So it's important to persevere in the implementation of an active pro-politic policy as an integral part of the general development policy. The second group of measures relates to immigration and the third to the increase in youth employment in order to prevent their more numerous evictions. It is indisputable that the aging of the population as well other adverse demographic processes and their consequences pose a great challenge to population, economic and social policy of Montenegro (see [Rajović, Bulatović, 2018](#); [Bulatović, Rajović, 2018](#)).

References

[Bijak et al, 2007](#) – [Bijak, J., Kupiszewska, D., Kupiszewski, M., Saczuk, K., Kicinger, A. \(2007\)](#). Population and labour force projections for 27 European countries, 2002-052: impact of

international migration on population ageing. *European Journal of Population/Revue Européenne de Démographie*, 23 (1), 1

[Bloom et al., 2010](#) – Bloom, D.E., Canning, D., Fink, G. (2010). Implications of population ageing for economic growth. *Oxford review of economic policy*, 26(4), 583-612.

[Bulatović, Rajović, 2018](#) – Bulatović, J., Rajović, G. (2018). Internal External Mobility of the Population of Montenegro: Overview. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*, 1 (73), 3-9.

[Bulatović, Rajović, 2018](#) – Bulatović, J., Rajović, G. (2018). Internal mobility of the population of Montenegro: Overview. *Scientific Electronic Archives*, 11 (2), 143-149.

[Chawla et al, 2007](#) – Chawla, M., Betcherman, G. et al. (2007). From Red to Gray: the 'third transition' of aging populations in Eastern Europe and the Former Soviet Union (overview). Washington DC, The World Bank.

[Despotović et al, 2015](#) – Despotović, A., Joksimović, M., Jovanović, M. (2015). Impact of demographic changes on agricultural development in Montenegro. *Ekonomika poljoprivrede*, 62 (3), 613-625.

[Gavrilov, Heuveline, 2003](#) – Gavrilov, L.A., Heuveline, P. (2003). Aging of population. *The encyclopedia of population*, 1, 32-37.

[Jackson, Howe, 2008](#) – Jackson, R., Howe, N. (2008). The Graying of the Great Powers: Demography and Geopolitics in the 21st Century Unauthenticated, Washington D.C: Center for Strategic and International Studies.

[Keyfitz, 2014](#) – Keyfitz, N. (2014). On the Momentum on Population Growth. *Demography*, 8 (1), 222-234.

[Mendryk, Dylon, 2013](#) – Mamolo, M., Scherbov, S. (2009). Population projections for forty-four European countries: The ongoing population ageing. Vienna Inst. of Demography.

[Mendryk, Dylon, 2013](#) – Mendryk, I., Dylon, D. (2013). Demographic Changes as a Challenge to Human Resources Management. In *Active Citizenship by Knowledge Management & Innovation: Proceedings of the Management, Knowledge and Learning International Conference 2013*, pp. 1021-1028. ToKnowPress.

[Ministry of Economy Government of Montenegro, 2008](#) – Ministry of Economy Government of Montenegro (2008). Regional Development Strategy of Montenegro for the period 2014–2020, Government of Montenegro, Podgorica.

[Nejašmić, 2002](#) – Nejašmić, I. (2002). Demografski razvoj u europskim postsocijalističkim zemljama (1990–1999). *Društvena istraživanja*, 4-5 (60-61), 701-723.

[Nejašmić, Toskić, 2013](#) – Nejašmić, I., Toskić, A. (2013). Starenje stanovništva u Hrvatskoj – sadašnje stanje i perspective. *Hrvatski geografski glasnik*, 75 (1), 89-110.

[Olshansky, 2005](#) – Olshansky S.J. et al. (2005). A possible decline in life expectancy in the United States in the 21st Century. *New England J of Med.*, 352, 1103-1110.

[Rajović, Bulatović, 2018](#) – Rajović, G., Bulatović, J. (2018). Montenegrin village Gnjili Potok at the beginning of the 21 st ceuntry. *Revisita Geografica Academica*, 12 (1), 93-128.

[Rajović, Bulatović, 2018](#) – Rajović, G., Bulatović, J. (2018). Rural settlement Gnjili Potok (Montenegro): Attachment to the study demographic discharge of geo-space. *World Scientific News*, 91, 12-30.

[Samuel et al, 2001](#) – Samuel, H.P., Heuveline, P., Guillot, M. (2001). Demography. Measuring and Modeling Population Processes. Oxford: Blackwell.

[Statistical Office of Montenegro – Monstat, 2014](#) – Statistical Office of Montenegro – Monstat (2014). Communication No. 68, Podgorica.

[Šterc, Komušanac, 2011](#) – Šterc, S., Komušanac, M. (2011). Neizvjesna demografska budućnost Hrvatske – izumiranje i supstitucija stanovništva ili populacijska revitalizacija...? *Društvena istraživanja*, 3 (117), 693-713.

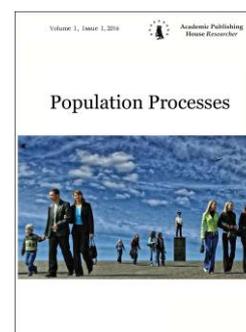
[Vaupel, 2010](#) – Vaupel, J.W. (2010). Biodemography of human ageing, *Nature*, 464, 536-542.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Population Processes
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-1051
2018, 3(1): 8-15

DOI: 10.13187/popul.2018.3.8
www.ejournal44.com

Integration Policy of Ukraine with Regard to Women who Suffered the Military Conflict: Sociological and Legal Aspects

Violetta O. Torianyk ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

This article examines the statistical data of the Ministry on the issues of temporarily occupied territories and temporarily displaced persons in Ukraine, the Ministry of Social Policy of Ukraine, the State Statistics Service of Ukraine, sociological surveys conducted by public organizations, as well as regulatory legal acts of Ukraine ensuring the integration of internally displaced women into host territorial communities. The conducted analysis resulted in a conclusion concerning the intention of the majority of such persons to remain in the receiving territorial communities. Several proposals have been made regarding the improvement of programs that deal with the integration of internally displaced persons. One of them is the necessity to distinguish a distinctive category of IDP-women, which would incorporate those who have additional socially vulnerable status (single mother, retired person (seniors), person with disabilities). Stable public funding is required to guarantee an access of such categories to medical, educational and socio-psychological services. The state policy of integration lacks such an essential component as the formation of gender sensitivity in the system of social protection and social services for IDP-women. In the conditions of a protracted conflict, the strategic decision in the integration policy of the state should be to eliminate the status of IDPs for such persons through ensuring full electoral, social, labor and housing rights in the host community.

Keywords: integration, integration policy, internally displaced person, single mother, seniors, person with disabilities, public authority, local government, electoral rights, right to housing.

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции женщин, которые покинули территорию военного конфликта в отдельных регионах Донецкой и Луганской областей и временно проживают в других территориальных общинах Украины. Женщины являются одной из наиболее уязвимых категорий населения в чрезвычайных условиях. Последствия военного конфликта существенно усложнили возможность реализации ими неотъемлемых, социальных, избирательных, трудовых прав. Свойственная для большинства постсоветских стран дискриминационная политика относительно ряда прав и законных интересов женщин усугубилась военным конфликтом и необходимостью интеграции в новую территориальную общину выехавших из зоны конфликта женщин. Большая часть из них несет ответственность за несовершеннолетних детей. Многие из них

* Corresponding author

E-mail addresses: violetta.torianyk@gmail.com (V.O. Torianyk)

имеют статус одиноких матерей, инвалидов, пенсионеров, что обязывает государство создать условия для интеграции и обеспечить механизм реализации их прав.

2. Материалы и методы

Основу исследования составляют статистические данные Министерства по вопросам временно оккупированных территорий и временно перемещенных лиц Украины, Министерства социальной политики Украины, Государственной службы статистики Украины, социологических опросов, проводимых общественными организациями. Эмпирическую основу исследования составили нормативно-правовые акты Украины и практика их применения.

В ходе исследования использован комплекс общенаучных и специальных методов исследования. В частности, статистический метод, анализа и синтеза, диалектический, сравнительный, формально-логический, метод системного анализа.

3. Обсуждение и результаты

По данным Министерства социальной политики по состоянию на 13 декабря 2018 года взято на учет 1 513 895 внутренне перемещенных лиц, из которых женщин – 1 033 580 (Офіційний лист від Міністерства соціальної політики, 2018). В соответствии с украинским законодательством лица, выехавшие на подконтрольную территорию, должны получить статус временно перемещенных лиц (далее – ВПЛ). Наличие такого статуса обеспечивает получение ими социальной помощи, а в ряде случаев доступа к образовательным, медицинским и иным услугам.

Таблица 1. Количество ВПЛ по категориям в областях Украины, январь 2019 года

Область	Постоянное население	Всего ВПЛ, % к постоянному населению	Из них, количество ВПЛ / % к ВПЛ			
			Работоспособного возраста	Дети	С инвалидностью	Пенсионного возраста
Винницкая	1554726	9898 0,66 %	3365 34,00 %	1612 16,29 %	503 5,08 %	2314 23,38 %
Волынская	1033139	2972 0,29 %	1272 42,68 %	621 20,9 %	127 4,27 %	608 20,45 %
Днепропетровская	3205766	67541 2,11 %	22225 32,91 %	11972 17,73 %	2942 4,36 %	26780 39,65 %
Донецкая	4155983	487001 11,72 %	65861 13,52 %	67319 13,82 %	16989 3,49 %	303353 62,29 %
Житомирская	1222238	6905 0,56 %	2312 33,48 %	1581 22,90 %	397 5,75 %	2025 29,33 %
Закарпатская	1254306	3215 0,26 %	1319 41,03 %	853 26,53 %	122 3,79 %	575 17,88 %
Запорожская	1706499	53007 3,11 %	14281 26,94 %	7587 14,31 %	2373 4,48 %	28458 53,69 %

Ивано-Франковская	1370979	3136 0,23 %	1396 44,52 %	599 19,10%	152 4,85 %	644 20,54 %
Киевская	1761393	53616 3,04 %	17794 33,19 %	10267 19,15 %	1916 3,75 %	13681 25,52 %
Кировоградская	940206	6610 0,70 %	1865 28,21 %	1484 22,45 %	357 5,40 %	2334 35,31 %
Луганская	2148619	269200 12,53 %	29671 11,02 %	21337 7,93 %	7830 2,91 %	194802 72,36 %
Львовская	2504746	10455 0,42 %	3638 34,80 %	2724 26,05 %	319 3,05 %	1412 13,51 %
Николаевская	1131269	8011 0,71 %	3262 40,72 %	1968 24,57 %	392 4,89 %	2102 26,24 %
Одесская	2369452	34625 1,46 %	13204 38,13 %	7841 22,65 %	1419 4,10 %	7425 21,44 %
Полтавская	1393856	22469 1,61 %	6407 28,51 %	4235 18,85 %	1253 5,58 %	8056 35,85 %
Ровненская	1156762	3067 0,27 %	1036 33,78 %	953 31,07 %	126 4,11 %	518 16,89 %
Сумская	1080125	11281 1,04 %	3096 27,44 %	2372 21,03 %	675 5,98 %	3985 35,32 %
Тернопольская	1043036	2078 0,20 %	778 37,44 %	508 24,45 %	125 6,02 %	503 24,21%
Харьковская	2662497	125002 4,69 %	41215 32,97 %	15604 12,48 %	4042 3,23 %	50576 40,46 %
Херсонская	1037259	12646 1,22 %	5059 40,00 %	1897 15,00 %	517 4,09 %	3844 30,40 %
Хмельницкая	1262618	5297 0,42 %	1413 26,68 %	987 18,63 %	271 5,12 %	1493 28,19 %
Черкасская	1203954	11057 0,92 %	3647 32,98 %	2674 24,18 %	624 5,64%	3554 32,14 %
Черновецкая	901581	2485	1069	753	106	417
		0,28 %	43,02 %	30,30 %	4,27 %	16,78%
Черниговская	998682	6990 0,70 %	1963 28,08 %	1534 21,95 %	346 4,95 %	2070 29,61 %
Город Киев	2908251	134821 4,64 %	61942 45,94 %	25799 19,14 %	4298 3,19 %	30893 22,91 %

Анализ данных (Таблица 1) указывает, что:

- в большинстве регионов (13 областей) количество ВПЛ составляет до 1% постоянного населения;
- в 9 регионах количество ВПЛ составляет до 5 % постоянного населения;
- в подконтрольных Украине частях Донецкой и Луганской областей количество ВПЛ относительно постоянного населения составляет 10 % (Звіт радника..., 2018).

Следует отметить, что как официальная статистика, так и статистика ряда общественных организаций не учитывает отдельно процент женщин, в том числе имеющих статусы социально уязвимых категорий, в общем количестве ВПЛ.

На уровне органов государственной власти не проводились исследования настроений ВПЛ по поводу будущего места проживания. В то же время некоторыми общественными организациями такие опросы проводились. Данные опроса ВПЛ, проведенного компанией GFK по заказу Международной фондации избирательных прав (IFES) в Украине при поддержке Британской помощи и Министерства международных дел Канады.

Таблица 2. Планы по поводу будущего места проживания ВПЛ

№ п/п	Планы по поводу будущего места проживания	Полностью согласны	Скорее согласны	Всего
1.	Остаться в новой общине	22%	11%	33%
2.	Вернуться в свой родной дом, только если ситуация улучшится и будут все условия для моего безопасного возвращения	22%	10%	31%
3.	Переехать снова на новое место в пределах территории, подконтрольной Правительству Украины	3%	3%	6%
4.	Вернуться в свой родной дом, даже если ситуация в моем населенном пункте не улучшится	5%	1%	6%
5.	Вернуться в свой старый дом, если ситуация улучшится, но еще может не быть всех условий для безопасного возвращения	2%	1%	3%

Опрос ВПЛ в Украине: основные выводы февраля 2018 (Опитування ВПО в Україні: основні висновки, 2018).

Изложенные данные свидетельствуют, что большая часть ВПЛ желает остаться в новой территориальной общине.

Настроения ВПЛ, затяжной характер конфликта в отдельных регионах Донецкой и Луганской областей указывают на целесообразность внедрения эффективной политики интеграции ВПЛ в новые территориальные общины. Составляющими такой политики являются: разработка на законодательном уровне концепции интеграции, обеспечение стабильного финансирования такой политики, внедрение элементов интеграционной политики как органами государственной власти, местного самоуправления, так и институциями гражданского общества.

Интеграционная политика государства в настоящий момент обеспечивается следующими нормативно-правовыми актами: Законами Украины «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещенных лиц» (Про забезпечення прав..., 2014), «О предотвращении воздействия мирового финансового кризиса на развитие строительной отрасли и жилищного строительства» (Про запобігання впливу..., 2009), Стратегией интеграции

внутренне перемещенных лиц и внедрение долгосрочных решений по внутреннему перемещению на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Кабинета Министров Украины от 15 ноября 2017 года ([Розпорядження Кабінету Міністрів України, 2017](#)).

Своевременная реализация мероприятий, указанных в Стратегии, должна обеспечить решение проблемы внутреннего перемещения граждан Украины и его последствий, в частности принимающих территориальных общин. Для реализации Стратегии 21 ноября 2018 Кабинет Министров Украины утвердил План мероприятий по реализации Стратегии интеграции внутренне перемещенных лиц и внедрение долгосрочных решений относительно внутреннего перемещения на период до 2020 года ([План заходів з реалізації Стратегії, 2018](#)).

По состоянию на май 2019 отдельные программы интеграции ВПЛ на выполнение Стратегии и Плана мероприятий не принимались. Большинство регионов разработали интеграционные мероприятия ранее и внесли их в свои региональные программы, которыми пользуются на сегодняшний день. Что касается регионов, где количество ВПЛ незначительна (от 0,2 % до 4,69 %), обоснованной представляется позиция местных органов власти об отсутствии необходимости внедрять отдельные программы интеграции ВПЛ на местном уровне.

По утверждению IASC (The Inter-Agency Standing Committee), Стратегия и План мероприятий важны для решения проблем ВПЛ, потому что интеграция в принимающие территориальные общины является одним из трех вариантов долгосрочных решений для ВПЛ, особенно в условиях, когда возврат назад невозможен (Регіональні програми інтеграції внутрішньо переміщених осіб в Україні у 2018-2019 роках Звіт радника з питань ВПО за результатами моніторингу).

Несмотря на то, что одним из принципов предоставления различных видов социальных услуг семьям, лицам и группам лиц, которые оказались в сложных жизненных обстоятельствах определен «соблюдение прав человека, уважение чести и достоинства», ни в одном из них не учитываются гендерные особенности получателей услуг при предоставлении им помощи и поддержки.

Именно гендерный подход при предоставлении социальных услуг уязвимым категориям населения дает возможность восприятия собственных проблем женщинами и мужчинами.

Мужчины и женщины в разной степени страдают от вооруженных конфликтов и насилия. Женщины составляют большую часть населения, которое вынуждено перемещаться, чтобы найти безопасное место проживания для себя, своих детей, родных. Отсутствует гендерная статистика в отношении лиц, пересекающих пункты пропуска на линии разграничения в Донецкой и Луганской областях, но приблизительно 2/3 ВПЛ – это женщины с детьми. На новом месте женщины сталкиваются с необходимостью адаптироваться к другим условиям проживания, часто намного хуже предыдущих, а во многих случаях непригодных для жизни: отсутствие света, газа, отопления и воды в местах, выделяемых под жилье ВПЛ. Вся работа по уходу за детьми, оформление их в учебные заведения, поиск нового места работы и средств к существованию также ложится на плечи женщин. Кроме того, добавляется необходимость ухода за пожилыми родителями или другими родственниками.

Более пяти миллионов человек, в том числе более 1,3 миллиона зарегистрированных ВПЛ и жителей изолированных общин вдоль линии соприкосновения на востоке Украины, продолжают нести на себе основную тяжесть вооруженного конфликта и его последствий. Трудности, которые они испытывают, обостряются отсутствием доступа к основным услугам и социальной поддержке, а также к механизмам правовой защиты и возмещения для раненых и родственников погибших, и компенсации за уничтоженное имущество. Только за первые недели 2019 года при пересечении линии соприкосновения умерло более десяти гражданских лиц, в основном из-за серьезных осложнений со здоровьем, на фоне долгих часов ожидания при пересечении линии соприкосновения. В зимние месяцы обеспечение должного отопления остается одной из главных проблем для гражданских лиц, особенно для тех, кто живет вдоль линии соприкосновения. Несмотря на последовательные решения судов в пользу лиц, лишенных доступа к своим пенсиям, Правительство не выполнило данные судебные решения, и продолжает связывать возможность получения пенсий с

регистрацией в качестве ВПЛ. Кроме того, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека отметило продолжающуюся потребность в расширении защиты гражданских лиц, пострадавших от конфликта, в частности ВПЛ, независимо от того, где в Украине они проживают, и в реализации их экономических и социальных прав, для создания условий для восстановления мира и стабильности на востоке Украины ([Доклад о ситуации с правами человека в Украине, 2019](#)).

Международные исследования в области интеграционной политики внутреннего перемещения показывают, что главные препятствия для интеграции - это доступ к жилью и средствам для существования. Важными также определяются обеспечения права собственности, социальные услуги, управление, а также отношение принимающих общин к ВПЛ (Звіт радника з питань ВПО за результатами моніторингу. Регіональні програми інтеграції внутрішньо переміщених осіб в Україні у 2018-2019 роках).

Проблемы разного воздействия войн и конфликтов на женщин и мужчин являются глобальными и нашли отражение в резолюциях Совета Безопасности ООН ([«Жінки. Мир. Безпека», 2000](#)).

Несмотря на принятие ряда нормативно-правовых актов, таких как: Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещенных лиц» («Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» ([Про забезпечення прав..., 2014](#)), Стратегия интеграции внутренне перемещенных лиц и внедрение долгосрочных решений относительно внутреннего перемещения на период до 2020 года (Розпорядження Кабінету Міністрів України № 909-р. Стратегія інтеграції внутрішньо переміщених осіб та впровадження довгострокових рішень щодо внутрішнього переміщення на період до 2020 року. 15.11.2017.), остаются нерешенными вопросы реализации основных прав перемещенных лиц. Системный анализ указанных нормативно-правовых актов указывает на большое количество декларативных норм без соответствующего механизма реализации.

Практика применения положений Закона Украины «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещенных лиц», указывает на дискриминацию отдельных прав женщин, в частности: временно перемещенные лица не имеют возможности голосовать на местных выборах; право на получение определенных социальных выплат затруднено дополнительными процедурами. При пересечении линии разграничения гражданские лица должны проходить через зону ведения боевых действий, что создает реальную угрозу их жизни и безопасности. Вышеупомянутые нормативно-правовые акты и документы предусматривают не только необходимость декларирования, но и обеспечение и реализацию государством этих прав.

4. Заключение

Анализ статистических данных Министерства по вопросам временно оккупированных территорий и внутренне перемещенных лиц Украины, Министерства социальной политики Украины, Государственной службы статистики Украины, социологических опросов, проводимых общественными организациями указывает на отсутствие должного внимания интеграции женщин, имеющих статус ВПЛ, со стороны органов власти и местного самоуправления. При разработке программ интеграции ВПЛ следует отдельно учитывать такую категорию, как женщины-ВПЛ, в том числе и те, которые имеют дополнительные социально уязвимые статусы (одинокая мать, пенсионер, инвалид). Требуется стабильного государственного финансирования доступ таких категорий к медицинским, образовательным и социально-психологическим услугам. В интеграционной политике государства отсутствует такой важный компонент, как формирование гендерной чувствительности в системе социальной защиты и социального обслуживания женщин-ВПЛ. В условиях затяжного конфликта стратегическим решением в интеграционной политике государства должно быть избавление таких лиц от статуса ВПЛ и полное обеспечение избирательных, социальных, трудовых и жилищных прав в принимающей общине.

Литература

[«Жінки. Мир. Безпека», 2000](#) – Резолюція 1325 «Жінки. Мир. Безпека» Ради Безпеки ООН від 2000 р. [Electronic resource]. URL: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2006/1/cedaw-and-security-council-resolution-1325-a-quick-guide>

Доклад о ситуации с правами человека в Украине, 2019 – Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2018 года – 15 февраля 2019 года. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16Nov2018-15Feb2019_RU.pdf

Звіт радника..., 2018 – Звіт радника з питань ВПО за результатами моніторингу Регіональні програми інтеграції внутрішньо переміщених осіб в Україні у 2018-2019 роках. [Electronic resource]. URL: http://radnyk.org/reports/monitoring_2018-2019.pdf.

Опитування ВПО в Україні: основні висновки, 2018 – Опитування ВПО в Україні: основні висновки. Дослідження компанії GFK на замовлення Міжнародної фундації виборчих систем (IFES) в Україні за підтримки Британської допомоги від уряду Великої Британії та Міністерства міжнародних справ Канади. [Electronic resource]. URL: <https://www.slideshare.net/MediaPoint1/2018-117966593>

Офіційний лист від Міністерства соціальної політики, 2018 – Офіційний лист від Міністерства соціальної політики від 21 грудня 2018 року №110/0/108/18/221. [Electronic resource]. URL: https://dostup.pravda.com.ua/request/kilkist_zhinok_ta_cholovikiv_vpo.

План заходів з реалізації Стратегії, 2018 – План заходів з реалізації Стратегії інтеграції внутрішньо переміщених осіб та впровадження довгострокових рішень щодо внутрішнього переміщення на період до 2020 року: затверджений розпорядженням Кабінету Міністрів України від 21 листопада 2018 р. № 944-р. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/944-2018-%D1%80>.

Про забезпечення прав..., 2014 – Про забезпечення прав і свобод внутрішньо переміщених осіб: Закон України від 20 жовтня 2014 року № 1706-VII. [Electronic resource]. URL: <https://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1706-18>

Про забезпечення прав..., 2014 – Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України: Закон України від 15 квітня 2014 року № 1207-VII. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18>

Про запобігання впливу..., 2009 – Про запобігання впливу світової фінансової кризи на розвиток будівельної галузі та житлового будівництва: Закон України від 25 грудня 2008 № 800-VI р. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/800-17>.

Розпорядження Кабінету Міністрів України, 2017 – Розпорядження Кабінету Міністрів України про затвердження Стратегії інтеграції внутрішньо переміщених осіб та впровадження довгострокових рішень щодо внутрішнього переміщення на період до 2020 року від 15 листопада 2017 року № 909-р. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/909-2017-%D1%80>

References

«Zhinki. Mir. Bezpeka», 2000 – Rezolyuciya 1325 «Zhinki. Mir. Bezpeka» Radi Bezpeki OON vid 2000 r. [Electronic resource]. URL: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2006/1/cedaw-and-security-council-resolution-1325-a-quick-guide> [in Ukrainian]

Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine, 2019 – Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine 16 noyabrya 2018 goda – 15 fevralya 2019 goda. Upravlenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka. [Electronic resource]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16Nov2018-15Feb2019_RU.pdf [in Ukrainian]

Oficijnij list vid Ministerstva socialnoyi politiki, 2018 – Oficijnij list vid Ministerstva socialnoyi politiki vid 21 grudnya 2018 roku №110/0/108/18/221. [Electronic resource]. URL: https://dostup.pravda.com.ua/request/kilkist_zhinok_ta_cholovikiv_vpo [in Ukrainian]

Opituvannya VPO v Ukrayini: osnovni visnovki, 2018 – Opituvannya VPO v Ukrayini: osnovni visnovki. Doslidzhennya kompaniyi GFK na zamovlennya Mizhnarodnoyi fundaciyi viborchih sistem (IFES) v Ukrayini za pidtrimki Britanskoyi dopomogi vid uryadu Velikoyi Britaniyi ta Ministerstva mizhnarodnih sprav Kanadi. [Electronic resource]. URL: <https://www.slideshare.net/MediaPoint1/2018-117966593> [in Ukrainian]

Plan zahodiv z realizaciyi Strategiyi, 2018 – Plan zahodiv z realizaciyi Strategiyi integraciyi vnutrishno peremishenih osib ta vprovadzheniya dovgestrokovih rishen shodo vnutrishnogo peremishennya na period do 2020 roku: zatverdzhenij rozporjadzhennyam Kabinetu Ministriv Ukrayini vid 21 listopada 2018 r. № 944-r. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/944-2018-%D1%80> [in Ukrainian]

[Pro zabezpechennya prav..., 2014](#) – Pro zabezpechennya prav i svobod vnutrishno peremishenih osib: Zakon Ukrayini vid 20 zhovtnya 2014 roku № 1706-VII. [Electronic resource]. URL: <https://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1706-18> [in Ukrainian]

[Pro zabezpechennya prav..., 2014](#) – Pro zabezpechennya prav i svobod gromadyan ta pravovij rezhim na timchasovo okupovaniy teritoriyi Ukrayini: Zakon Ukrayini vid 15 kvitnya 2014 roku № 1207-VII. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18> [in Ukrainian]

[Pro zapobigannya vplivu..., 2009](#) – Pro zapobigannya vplivu svitovoyi finansovoyi krizi na rozvitok budivelnoyi galuzi ta zhitlovogo budivnictva: Zakon Ukrayini vid 25 grudnya 2008 № 800-VI r. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/800-17> [in Ukrainian]

[Rozporyadzhennya Kabinetu Ministriv Ukrayini, 2017](#) – Rozporyadzhennya Kabinetu Ministriv Ukrayini pro zatverdzhennya Strategiyi integraciyi vnutrishno peremishenih osib ta vprovadzhennya dovgostrokovih rishen shodo vnutrishnogo peremishennya na period do 2020 roku vid 15 listopada 2017 roku № 909-r. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/909-2017-%D1%80> [in Ukrainian]

[Zvit radnika..., 2018](#) – Zvit radnika z pitan VPO za rezultatami monitoringu Regionalni programi integraciyi vnutrishno peremishenih osib v Ukrayini u 2018-2019 rokah. [Electronic resource]. URL: http://radnyk.org/reports/monitoring_2018-2019.pdf [in Ukrainian]

Интеграционная политика в Украине относительно пострадавших в связи с военными конфликтом женщин: социологический и правовой аспект

Виолетта Александровна Торяник ^{a,*}

^a Сумский государственный университет, Украина

Аннотация. В статье исследованы статистические данные Министерства по вопросам временно оккупированных территорий и временно перемещенных лиц Украины, Министерства социальной политики Украины, Государственной службы статистики Украины, социологические опросы, проводимых общественными организациями, а также нормативно-правовые акты Украины, обеспечивающие интеграцию женщин-внутренне перемещенных лиц в принимающие территориальные общины. Исходя из проведенного анализа, сделан вывод о намерении большинства таких лиц остаться в принимающих территориальных общинах. Разработаны предложения по усовершенствованию программ интеграции внутренне перемещенных лиц, а именно: представляется целесообразным отдельно учитывать такую категорию, как женщины-ВПЛ, в том числе и те, которые имеют дополнительные социально уязвимые статусы (одинокая мать, пенсионер, лицо с ограниченными возможностями). Требуется стабильного государственного финансирования доступ таких категорий к медицинским, образовательным и социально-психологическим услугам. В интеграционной политике государства отсутствует такой важный компонент, как формирование гендерной чувствительности в системе социальной защиты и социального обслуживания женщин-ВПЛ. В условиях затяжного конфликта стратегическим решением в интеграционной политике государства должно быть избавление таких лиц от статуса ВПЛ и полное обеспечение избирательных, социальных, трудовых и жилищных прав в принимающей общине.

Ключевые слова: интеграция, интеграционная политика, внутренне перемещенное лицо, одинокая мать, пенсионер, лицо с ограниченными возможностями, орган государственной власти, орган местного самоуправления, избирательные права, право на жилье.

* Корреспондирующий автор

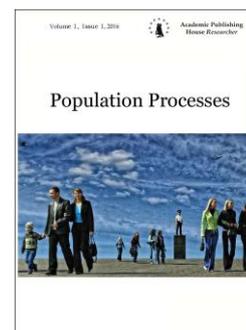
Адреса электронной почты: violetta.torianyuk@gmail.com (В.А. Торяник)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Population Processes
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2500-1051
2018, 3(1): 16-25

DOI: 10.13187/popul.2018.3.16
www.ejournal44.com

Environmental Migration: Challenges for Contemporary International Law

Vladyslava M. Zavhorodnia ^{a, *}, Yelyzaveta A. Polianska ^a

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the problem of environmental refugees and the search for possible ways of their protection by international legal measures. The authors attempt to determine the legal status of environmental refugees, to identify criteria for their delineation from other categories of forced migrants. The possibilities of applying the current norms of International Law to environmental refugees are examined. The international protection of environmental refugees and observance of the interests of the states they are arriving are regarded as key aspects of the problem. The prospects and possible ways of improving the international legal regulation in this sphere are considered.

The authors argue that environmental refugees should be legally recognized as a separate category of forced migrants with appropriate granting of the legal status. The best solution is to adopt an international treaty that would address these issues, would introduce a quota principle for the distribution of environmental refugees between countries, depending on the territory, population density and financial and economic resources. It is also desirable to identify the states and territories needing the urgent assistance and the principles of implementing joint interstate projects aimed at removing tensions in the field of environmental migration.

Keywords: forced migration, environmental migration, climate change, international law, environmental refugees.

1. Введение

Изменения климата, привлекающее сейчас все большее внимание международного сообщества, экологические бедствия, другие резкие изменения в окружающей среде (повышение уровня моря, увеличение интенсивности циклонов, нерегулярность осадков и т. д.) заставляют миллионы людей менять традиционный образ жизни и покидать места своего постоянного проживания, и даже свои страны. Современная экологическая реальность часто делает миграцию единственно возможным вариантом поведения для отдельных островных сообществ, населения, проживающего в дельтах крупных рек, или в регионах, страдающих от опустынивания.

По данным Агентства ООН по вопросам беженцев, начиная с 2008 года, в среднем, 26,4 миллиона человек в год были вынуждены покинуть свои постоянные места проживания из-за стихийных бедствий. Это эквивалентно перемещению одного человека в секунду. 2015 год стал самым жарким годом за весь период наблюдений, вызвав, в частности, 32 масштабные засухи ([The Environment & Climate Change, 2015](#)). В 2016 году уровень вынужденной миграции, в том числе, и в результате экологических проблем, стал

* Corresponding author

E-mail addresses: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

самым высоким со времен Второй мировой войны ([World Disasters Report, 2016](#)). Количество и масштабы стихийных бедствий и экологических катастроф как природного, так и техногенного характера, постоянно растут.

Единого термина для обозначения особой и весьма уязвимой категории людей, которых побудили к миграции изменение климата и природные катаклизмы, пока не существует ни в доктрине, ни в нормативно-правовых актах. Их называют экологическими беженцами, экологическими мигрантами, климатическими мигрантами и тому подобное. При этом правовой статус экологических беженцев не определен ни в отдельных государствах на национальном уровне, ни в международном праве.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи стали положения международных договоров, международных документов рекомендационного характера, выработанные в рамках международных межправительственных организаций, рабочие материалы Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, статистические данные Агентства ООН по делам беженцев, современные исследования, преимущественно западных ученых, в области юриспруденции, изменения климата, проблем миграции. Также были использованы нормы права Европейского Союза, регулирующие возможность предоставления мигрантам временной и дополнительной защиты, положения законодательства Украины, направленные на имплементацию этих норм. Авторы также обращались к публикациям в средствах массовой информации и материалам судебной практики, что позволило оценить современное состояние правовой защиты экологических беженцев в различных странах.

Методологической основой проведенного исследования являются общенаучные и специальные методы. Аналитический и логический методы позволили осуществить отбор и анализ информации. Методы сравнения и аналогии применялись в процессе установления общих и отличительных черт правового положения экологических беженцев и других вынужденных мигрантов. При толковании норм международного права, законодательства Украины, судебной практики использовались формально-юридический, системный методы познания, дедукция и индукция.

3. Обсуждение

Феномен «экологических беженцев» стал предметом публичных дискуссий в 1985 году, когда эксперт ООН по окружающей среде Есамм Эль-Хиннави определил эту категорию мигрантов как: «... людей, которые были вынуждены покинуть свою традиционную среду обитания временно или навсегда, из-за значительных экологических нарушений (природных и/или вызванных человеческой деятельностью), которые угрожали их существованию и/или серьезно повлияли на качество их жизни» ([El-Hinnawi, 1985](#)). Употребленный исследователем термин «экологические беженцы» (*environmental refugees*) представляется нам наиболее правильным и точно соответствующим исследуемой категории вынужденных мигрантов.

Учитывая отсутствие нормативной базы, которая ввела бы соответствующий термин, разные ученые и международные организации в своих рабочих документах, как уже отмечалось, используют различные наименования для лиц, вынужденных мигрировать в силу экологических причин. Так, употребляемым является термин «климатические беженцы» (*climate refugees*) ([Tetrick, 2018](#)), однако, мы считаем его слишком узким, не охватывающим всех причин экологической миграции. Действительно, изменение климата является основным, но далеко не единственным фактором, который обуславливает современную проблему экологической миграции и ее массовый характер. Например, люди могут быть вынуждены переселяться из-за техногенных катастроф, радиационного загрязнения территорий и т. д.

Международная организация по миграции (IOM) пользуется термином «экологические мигранты» (*environmental migrants*), определяя последних как лиц или группы, которые в силу внезапных и прогрессирующих изменений в окружающей среде, негативно влияющих на условия их жизни, вынуждены покинуть свое привычное место проживания временно или навсегда, и перемещаются внутри страны или за ее пределы

([Migration, Environment and Climate Change, 2014:13](#)). Как подчеркивается в документах ИОМ, такой подход охватывает достаточно широкий круг мигрантов – и тех, для кого миграция является вопросом выживания, и лиц, перемещающихся по собственному выбору, длительно или краткосрочно, как мигрантов в пределах государства проживания, так и тех, кто переселяется в другие страны. На официальном сайте ИОМ отмечается, что люди, которые мигрируют по экологическим причинам, не подпадают прямо ни под одну категорию, предусмотренную современным международным правом. В то же время, ИОМ не считает необходимым определять для них отдельный правовой режим. Такой подход, главным образом, обосновывается защитой лиц, перемещающихся по экологическим причинам, в рамках общего международного права прав человека, а внутренних переселенцев – защитой посредством механизмов национальных законодательств на основе стандартов Руководящих принципов по вопросам внутреннего перемещения ([Migration and Climate Change. Definitional Issues, 2018](#)).

Вряд ли с такой позицией можно согласиться, по крайней мере, в части трансграничных мигрантов. Современное состояние дел наглядно демонстрирует уязвимость экологических беженцев, которые, не подпадая под действие Конвенции о статусе беженцев ([Конвенція, 1951](#)), гораздо больше, чем «традиционные» беженцы, подвергаются рискам политического характера и могут быть выдворены на непригодную для жизни родину.

Так, в 2015 году Верховный суд Новой Зеландии завершил производство по делу о предоставлении статуса беженца в связи с последствиями изменения климата в островной тихоокеанской стране Кирибати и вынес решение против заявителя. Заявитель по делу Йоанн Тейтийота и его жена переехали в Новую Зеландию из Кирибати в 2007 году, где у них родилось трое детей, которые, однако, не имели право на гражданство в соответствии с новозеландским законодательством. Семья осталась в стране незаконно после окончания срока действия виз в 2010 году. Чтобы избежать депортации, господин Тейтийота подал ходатайство о предоставлении статуса беженца в соответствии с законом об иммиграции 2009 года, который включает в национальное законодательство Конвенцию о статусе беженцев 1951 года. Заявитель указывал, что его островное жилье и вся территория вокруг поглощены океаном, стали непригодными для жизни. Причем такая же судьба, очевидно, постигнет и другие части страны. Следовательно, он имеет право быть признанным беженцем из-за изменений в окружающей среде Кирибати, вызванных климатическими факторами. Администрация по делам беженцев отказала в предоставлении такого статуса, и это решение было поддержано Трибуналом по вопросам миграции, а также рядом судебных инстанций Новой Зеландии.

В частности, Суд согласился, что атолл Тарава, который покинула семья, перенаселен, страдает от антисанитарии, экстремальных штормов и постоянного медленного повышения уровня моря, однако, констатировал, что переезд семьи был их «добровольным адаптационным решением» и не может рассматриваться как принудительный. Ухудшение же качества окружающей среды, независимо от того, связано это с изменением климата или нет, не создает оснований для применения Конвенции. Высокий суд, Апелляционный суд и Верховный суд Новой Зеландии последовательно признали невозможность применения Конвенции 1951 года к лицам, которые пытаются улучшить свою жизнь, избегая результатов изменения климата ([New Zealand: Case Overview, 2015](#)).

Описанное решение является, безусловно, вполне законным, однако демонстрирует полную неспособность современного международного права к обеспечению надлежащей защиты экологических беженцев.

Вполне разумной выглядит обеспокоенность судей в этом деле (как и выше описанная позиция ИОМ), обусловленная тем, что признание статуса экологических беженцев создаст серьезные проблемы для государств, которые будут вынуждены принимать многотысячные или даже миллионные потоки мигрантов и брать на себя ответственность за их обустройство.

Кроме того, в отличие от беженцев, которые, в соответствии с конвенционным определением, не могут воспользоваться защитой своего государства, лица, перемещающиеся в силу экологических факторов, не лишены такой защиты. Государства, чьи территории постепенно исчезают от поднятия уровня моря, разрушения побережья или страдают от засухи, невозможности ведения сельского хозяйства, других экологических

бедствий, наоборот, могут и должны принимать все меры для минимизации последствий изменения климата и улучшения условий проживания населения. Однако, в подавляющем большинстве случаев, возможности таких государств достаточно ограничены – сегодня экологическая миграция затрагивает самые бедные и социально неблагополучные страны Африки, Латинской Америки и Тихоокеанского региона.

А. Васильева, изучая международно-правовые последствия исчезновения территории государств, выделяет два подхода к квалификации статуса экологических беженцев в международном праве. Первый заключается в попытках расширенного толкования сферы действия Конвенции 1951 года и Протокола к ней 1967 года. Второй основывается на невозможности распространения действия этих документов на исследуемую категорию лиц (Васильева, 2018: 14).

Проанализировав существующие универсальные международные договоры и практику их применения, акты «мягкого права», считаем возможным согласиться со вторым подходом и признать, что международно-правовая защита беженцев не может быть распространена на эту категорию вынужденных мигрантов. Аналогичная ситуация имеет место и в региональных системах защиты прав человека. Не создают оснований для признания статуса экологических беженцев ни Конвенция 1969 года об управлении конкретными аспектами проблем беженцев в Африке (Convention, 1968), ни Карфагенская декларация о беженцах 1984 года (Cartagena Declaration, 1984) ни другие региональные документы. Попытки включить в категорию беженцев экологических мигрантов и здесь оцениваются исследователями как не имеющие шансов на успех (Kenig-Witkowska, 2013).

Заслуживающим внимания в вопросе определения правового статуса экологических беженцев является право Европейского Союза (далее – ЕС), в рамках которого, хотя и в довольно ограниченном виде, сформированные отдельные основания для защиты этих лиц. Вопрос экологических беженцев стал темой общего интереса для ЕС лишь в последние годы. В частности, в 2011 году по инициативе Европейского парламента было проведено исследование, посвященное климатическим беженцам, которое убедительно аргументировало насущную необходимость внедрения термина «экологический беженец» в законодательство ЕС и предоставления таким лицам определенного правового статуса (Арап, 2011).

Правовую основу компетенции ЕС в сфере определения основ статуса экологических беженцев составляют положения статьи 78 Договора о функционировании ЕС (Treaty of Lisbon, 2007). Согласно ей Союз развивает общую политику убежища, дополнительной и временной защиты в целях предоставления надлежащего статуса любому гражданину третьей страны, нуждающемуся в международной защите, и обеспечения соблюдения принципа невыдворения. Для этого Европейский Парламент и Совет, действуя в соответствии с обычной законодательной процедурой, принимают меры по общей европейской системе убежища, включающие: унифицированный статус убежища для граждан третьих стран, действующий на территории всего Союза; одинаковый статус дополнительной защиты для граждан третьих стран, которые, не получая европейского убежища, нуждаются в международной защите; общую систему временной защиты перемещенных лиц в случае массового притока; общие процедуры предоставления и лишения унифицированного статуса убежища или дополнительной защиты; критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение обращений по убежищу или дополнительной защите; стандарты условий приема лиц, обратившихся с просьбой предоставить убежище или дополнительную защиту; партнерство и сотрудничество с третьими странами с целью контроля притока лиц, обращающихся с просьбой предоставить убежище, дополнительную или временную защиту.

Директива Совета 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 года «О минимальных стандартах для предоставления временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц и о мерах, которые обеспечивают баланс усилий государств-членов при приеме таких лиц и несении последствий их приема» определяет правила и процедуры временной защиты вынужденных мигрантов в случае их массового наплыва (Council Directive, 2001). Этот документ не упоминает отдельно экологических беженцев, однако, закрепленное в статье 299 определение лиц, нуждающихся в международной защите, в общем, может быть распространено и на них. Такими лицами являются граждане третьих стран или лица без гражданства, которые были вынуждены покинуть свою страну или регион происхождения,

или были эвакуированы, в частности, по настоянию международных организаций, и которые не могут вернуться в безопасные и стабильные условия из-за ситуации, сложившейся в стране. Поскольку такая ситуация может быть вызвана разными обстоятельствами, в том числе, и экологической катастрофой, Директива позволяет предоставить временную защиту также и экологическим беженцам.

В то же время, этот документ касается только случаев «массового притока» вынужденно перемещающихся лиц (факт такой ситуации устанавливается Советом ЕС по предложению Комиссии) и дает возможность получить только временную защиту.

Таким образом, можно утверждать, что и в коммунитарном праве ЕС осознание проблемы экологических беженцев пока остается на уровне обсуждения, а возможности получения защиты лицами, вынужденными покинуть свое постоянное место жительства вследствие экологических бедствий, довольно ограниченными.

Несмотря на определенные опасения относительно возможностей злоупотребления правами со стороны лиц, мигрируют добровольно и по экономическим причинам в поисках лучшей судьбы, и предостережения со стороны государств, которые могут оказаться под угрозой массового потока переселенцев, Комиссия ООН по международному праву все же включила с 2006 года в свою повестку дня вопрос о защите лиц в случае экологических катастроф. 4 августа 2016 года Комиссия приняла Проект статей о защите людей в случаях катастроф ([Доклад Комиссии международного права, 2016](#)). Согласно статье 2 Проекта его целью является облегчение надлежащего и эффективного реагирования на катастрофы, снижение их риска с тем, чтобы удовлетворить потребности людей, которых они затрагивают, при полном уважении их прав.

Статья 3 Проекта статей дает определение понятия «катастрофа» (англ. – disaster), которое означает катастрофическое событие или серию событий, которые приводят к массовой гибели людей, большим человеческим страданиям и бедами или масштабному материальному или экологическому ущербу, серьезно нарушая тем самым функционирование общества. Проект предусматривает формы сотрудничества, меры по оказанию помощи пострадавшему государству, права и обязанности как этого государства, так и государств, оказывающих помощь, требует уважения к пострадавшим, их достоинству и иным правам.

Однако даже одобрение этого проекта вряд ли обеспечит комплексную защиту экологических беженцев. Во-первых, положения его носят достаточно общий характер и не содержат четких гарантий прав пострадавших. Во-вторых, документ рассчитан только на чрезвычайные события – катастрофы, экологические бедствия. Поэтому он не может быть применен к ситуациям постепенного экологического ухудшения, например, затопление территории, или превращение ее в пустыню.

В 2011 году правительства Норвегии и Швейцарии основали кампанию в поддержку разработки руководящих принципов реагирования на комплексные проблемы перемещения населения в контексте изменения климата и других экологических угроз, которая позже была названа Инициативой Нансена (в честь норвежского полярного исследователя Ф. Нансена (1861-1930)). К Инициативе присоединилось более 100 стран, а в 2015 году – УВБК ООН. В 2016 году Инициатива Нансена превращена в Платформу по вопросам перемещения населения из катастрофы (Platform on Disaster Displacement). Сейчас Платформа направляет свою деятельность на достижение консенсуса по защите прав людей, перемещаемых через границы государств из-за экологических бедствий и изменения климата ([Platform on Disaster, 2016](#)).

В известной мере надежды на успех попыток определения международно-правового статуса экологических беженцев дало принятие Генеральной Ассамблеей ООН Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантов ([New York Declaration, 2016](#)). Декларация стала выражением воли государств по защите прав человека и распределению ответственности в глобальном масштабе для решения как современных, так и будущих проблем. В документе, в частности, признается положительный вклад миграции в рост и устойчивое развитие, констатируется необходимость обеспечения защиты прав беженцев и мигрантов, выражен призыв к поддержке тех стран, которые спасают пострадавших и принимают большое количество мигрантов. Декларация включает два приложения. Первое описывает комплекс мер по оказанию помощи беженцам, второе содержит поэтапный план

действий в направлении заключения Глобального договора о безопасной, упорядоченную и регулируемой миграции.

Глобальный договор был принят на конференции в Марракеше (Марокко) и одобрен 19 декабря 2018 Генеральной Ассамблеей ООН ([Глобальный договор, 2018](#)). 152 государства поддержали документ, 12 воздержались, 5 проголосовало против (США, Чехия, Венгрия, Польша, Израиль), представители 24 государств не присутствовали при голосовании.

Договор направлен на содействие международному сотрудничеству путем определения руководящих принципов и многосторонних политических механизмов. Он охватывает широкий круг вопросов, касающихся миграции, в частности, пограничный контроль, незаконный ввоз людей, торговлю людьми, оформление документов мигрантов, реадмиссию и тому подобное. В основе Договора – 10 принципов, среди которых признание и уважение прав человека, суверенитет государств в вопросах миграционной политики, а также 23 задачи по безопасной, упорядоченной и легальной миграции, которыми должны руководствоваться государства. Задачи охватывают широкий круг вопросов, в общем касающихся миграции: сбор и использование точных данных для выработки обоснованной политики; сведение к минимуму сил и факторов, которые заставляют людей покидать страны своего происхождения; предоставление точной и своевременной информации на всех этапах миграции; упрощение доступа к каналам легальной миграции; содействие справедливому и этичному найму работников, обеспечение им достойной работы; исследование факторов уязвимости в процессе миграции; спасение людей; решение проблемы пропавших без вести мигрантов; повышение степени определенности и предсказуемости миграционных процедур; применение практики помещения мигрантов в центры временного содержания исключительно как крайней меры и поиск альтернатив; повышения эффективности консульской защиты; охват мигрантов базовыми услугами, создание благоприятных условий для их полной социальной интеграции; искоренение дискриминации; поощрение общественного обсуждения, основанного на объективных фактических данных и формирование таким образом общественного мнения о миграции; инвестирование в развитие навыков и содействие взаимному признанию квалификации и компетенций; создание для мигрантов и диаспор условий, позволяющих им в полной мере способствовать достижению устойчивого развития во всех странах; повышение оперативности и снижение стоимости финансовых переводов, содействие финансовой интеграции мигрантов; содействие в целях обеспечения безопасного и достойного возвращения и реадмиссии, планомерной реинтеграции, создание механизмов перевода материальных прав в сфере социального обеспечения.

В определенной степени Глобальный договор создает основания для международно-правовой защиты экологических беженцев, поскольку определяет юридические предпосылки для охраны прав всех мигрантов, независимо от категории, причин, побудивших к миграции и других обстоятельств. Однако, проблему он, безусловно, не решает. Во-первых, он не носит обязательный характер, во-вторых, не определяет специфических аспектов статуса лиц, вынуждены покинуть свои страны из-за действия экологических факторов ([Глобальный договор, 2018](#)).

4. Результаты

Отмечая важность и прогрессивность глобального подхода к миграции, все же считаем, что экологические беженцы должны быть признаны юридически как отдельная категория вынужденных мигрантов с соответствующим наделением их правовым статусом.

Представляется, что вносить изменения в действующих международных договорах, прежде всего, Конвенцию о статусе беженцев 1951 года и Протокол к ней 1967 года, и расширять определение термина «беженец», как это предлагают, например, Р. Калюжный и Г. Тимчик ([Калюжный, Тимчик, 2015: 18](#)) не является целесообразным. Количество беженцев, даже в рамках действующего их определения, достаточно велико, не все государства-участники способны и желают предоставлять им защиту, а расширение этого понятия может вообще привести к потере значимости Конвенции. Кроме того, в основе понятия «беженец» в Конвенции лежит концепция преследования. Поэтому, лица, которые вынуждены менять место жительства из-за экологических факторов, в любом случае под эту концепцию не

подпадают. Расширение понятия «беженец» с целью включения в него вынужденных экологических мигрантов означало бы полную трансформацию и пересмотр Конвенции.

Факторы, обуславливающие вынужденную экологическую миграцию, как и необходимость защиты экологических беженцев, настолько специфичны, что требуют других подходов и принципов сотрудничества государств, распределения ответственности за последствия экологических проблем, определения критериев и оснований предоставления защиты. Следовательно, необходимым является принятие отдельного международного договора, который урегулировал бы эти вопросы.

Учитывая планетарный характер экологических угроз, договор должен быть универсальным, отражать глобальное осознание проблемы и ответственности мирового сообщества. Уже сейчас понятно, что, например, Африка и Тихоокеанский регион в большей степени страдают от изменения климата, чем, например, Северная Америка или Европа. Следовательно, создание механизма защиты экологических мигрантов в рамках более уязвимого региона будет, во-первых, более сложным, во-вторых, нарушится принцип справедливости, ведь ответственность за изменение климата несут в той или иной степени все государства. Кроме того, в будущем ситуация может измениться (из-за таяния полярных ледников или других обстоятельств) и в опасности рискует оказаться любая часть света или географический регион. Поэтому региональные соглашения вряд ли будут достаточным средством регулирования в области решения проблем экологических беженцев.

Думается, что целесообразным было бы внедрение квотного принципа распределения экологических беженцев между странами в зависимости от размера территории, плотности населения и финансово-экономических ресурсов. Такой подход апробирован ЕС при распределении мигрантов, поэтому, с определенной доработкой, он может быть применен и на универсальном уровне при условии политической воли, в первую очередь, благополучных и высокоразвитых государств.

Кроме того, договор о экологических беженцах мог бы предусмотреть определение государств или территорий, нуждающихся в первоочередной помощи, инициировать финансирование совместных межгосударственных проектов, таких, как строительство искусственных островов или восстановление затопленных территорий. Подобные проекты могли бы не только создать для экологических беженцев новые места обитания, но и обеспечить рабочие места для тех, кто столкнулся с необходимостью покинуть свою страну из-за экологических факторов и готов активно работать для обустройства на новом месте.

Договор также должен четко определить понятие экологического беженца и основания приобретения лицом такого статуса. Для отграничения экологических беженцев от других категорий мигрантов предлагаем определять их как лиц, которые вынуждены временно или навсегда покинуть страну своего постоянного проживания, в силу значительных природных или техногенных катастроф, других экологических бедствий внезапного или длительного характера, природных и/или вызванных людьми, угрожающих жизни, здоровью или иным способом делающих невозможным существование людей в привычной для них среде. Для признания экологическим беженцем, по нашему мнению, неважно, сохраняется ли правовая связь с государством, которое лицо покинуло, продолжает ли беженец пользоваться его защитой, употребляет ли это государство усилия к восстановлению состояния окружающей среды или нет. На наш взгляд, нет существенных оснований для того, чтобы среди прав, обязанностей и гарантий для экологических беженцев выделять некие иные, отличные от прав, обязанностей и гарантий для «классических» беженцев, права.

От экологических беженцев следует отличать лиц, вынужденно, в силу экологических факторов меняющих место жительства в пределах страны. Стоит согласиться с рассмотренным выше мнением ИОМ о том, что права таких мигрантов могут быть защищены посредством механизмов национальных законодательств на основе стандартов Руководящих принципов по вопросам внутреннего перемещения. Однако трансграничные вынуждены экологические мигранты, рост числа которых в ближайшие годы прогнозируется рядом экспертов, остаются и требуют усиленного внимания международного сообщества.

5. Заключение

Трансграничные вынужденные экологические мигранты, рост числа которых в ближайшие годы прогнозируется рядом экспертов, требуют усиленного внимания на

глобальном уровне. Мировое сообщество пытается путем обсуждений, международных договоренностей, нормативного закрепления соответствующих положений в национальных законодательствах достичь баланса между защитой прав мигрантов, и интересами государств, на территорию которых они прибывают. Однако, собственно экологические беженцы на текущий момент остаются незащищенной категорией вынужденных мигрантов. Поэтому, весьма важно установить как национальные, так и международные юридические правила, которые учитывали бы особенности положения экологических беженцев, позволяли бы защитить их права и человеческое достоинство, а также минимизировать неудобства для населения тех стран, которые станут новым местом проживания мигрантов.

Литература

Васильева, 2018 – *Васильева А.А.* Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.10 международное право; европейское право. М., 2018. 26 с.

Глобальный договор, 2018 – Глобальный договор ООН о миграции: полный текст. URL: <https://rus.err.ee/877566/globalnyj-dogovor-oon-o-migracii-polnyj-tekst>

Доклад Комиссии международного права, 2016 – Доклад Комиссии международного права Шестьдесят восьмая сессия (2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 года) / Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf

Калюжний, Тимчик, 2015 – *Калюжний Р.А., Тимчик Г.С.* Адміністративно-правовий статус, осіб визнаних біженцями в Україні: монографія. К.: «МП Леся», 2015. 192 с.

Конвенція, 1951 – Конвенція про статус біженців: ухвалена 28 липня 1951 року Конференцією повноважних представників з питань біженців і апатридів / База «Законодавство України» [Электронный ресурс]. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_011/page

Арап, 2011 – *Арап J.* The concept of ‘climate refugee’. Towards a possible definition / European Parliamentary Research Service. European Union, May 2018. [Electronic resource]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621893/EPRS_BRI\(2018\)621893_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621893/EPRS_BRI(2018)621893_EN.pdf)

Cartagena Declaration, 1984 – Cartagena Declaration on Refugees, Colloquium on the International Protection of Refugees in Central America, Mexico and Panama, 22 November 1984. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b36ec.html>

Convention, 1968 – Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa («OAU Convention»), 10 September 1969, 1001 U.N.T.S. 45 [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b36018.html>

Council Directive, 2001 – Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences / EurLex. Access to European Union Law. [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32001L0055>

El-Hinnawi, 1985 – *El-Hinnawi E.* Environmental Refugees. United National Environmental Programme. Nairobi, 1985. [Electronic resource]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/121267>

Kenig-Witkowska, 2013 – *Kenig-Witkowska M.M.* Problematyka «uchodźcow srodowiskowych» w prawie międzynarodowym. *Panstwo i prawo*. W-wa, 2013. № 10. pp. 5-20. [Electronic resource]. URL: <http://czytelniaonline.pl/magazine/16777547/2013/10/toc>

Migration and Climate Change. Definitional Issues, 2018 – Migration and Climate Change. Definitional Issues / IOM UN Migration official site. [Electronic resource]. URL: <https://www.iom.int/definitional-issues>

Migration, Environment and Climate Change, 2014 – Migration, Environment and Climate Change: Evidence for Policy. Glossary / International Organization for Migration (IOM), July, 2014. 30 p. [Electronic resource]. URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/meclep_glossary_en.pdf?language=en

New York Declaration, 2016 – New York Declaration for Refugees and Migrants Resolution adopted by the General Assembly on 19 September 2016. [Electronic resource]. URL: <https://refugeesmigrants.un.org/declaration>

- [New Zealand: Case Overview, 2015](#) – New Zealand: ‘Climate Change Refugee’ Case Overview. July 2015 / The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/climate-change-refugee/new-zealand-climate-change-refugee-case.pdf>
- [Platform on Disaster, 2016](#) – Platform on Disaster Displacement. Web-sight. [Electronic resource]. URL: <https://disasterdisplacement.org/resources>
- [Tetrick, 2018](#) – Tetrick S. Climate Refugees: Establishing Legal Responses and U.S. Policy Possibilities. *Scholarly Horizons: University of Minnesota, Morris Undergraduate Journal*. 2018. Vol. 5, Is. 2. [Electronic resource]. URL: <https://digitalcommons.morris.umn.edu/horizons/vol5/iss2/8>
- [The Environment & Climate Change, 2015](#) – The Environment & Climate Change Updated Version / UNHCR, October 2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.unhcr.org/540854f49>
- [Treaty of Lisbon, 2007](#) – Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C 306/01) / EurLex. Access to European Union Law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT>
- [World Disasters Report, 2016](#) – World Disasters Report. 2016 / IFR. [Electronic resource]. URL: https://www.ifrc.org/Global/Documents/Secretariat/201610/WDR%202016-FINAL_web.pdf

References

- [Apap, 2011](#) – Apap J. (2011). The concept of ‘climate refugee’. Towards a possible definition / European Parliamentary Research Service. European Union, Ma. [Electronic resource]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621893/EPRS_BRI\(2018\)621893_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621893/EPRS_BRI(2018)621893_EN.pdf)
- [Cartagena Declaration, 1984](#) – Cartagena Declaration on Refugees, Colloquium on the International Protection of Refugees in Central America, Mexico and Panama, 22 November 1984. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b36ec.html>
- [Convention, 1968](#) – Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa («OAU Convention»), 10 September 1969, 1001 U.N.T.S. 45 [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b36018.html>
- [Council Directive, 2001](#) – Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences / EurLex. Access to European Union Law. [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32001L0055>
- [Dokład Komisii mezhdunarodnogo prava, 2016](#) – Dokład Komisii mezhdunarodnogo prava Shestdesyat vosmaya sessiya (2 maya – 10 iyunya i 4 iyulya – 12 avgusta 2016 goda) [Report of the International Law Commission Sixty-eighth session (May 2 – June 10 and July 4 – August 12, 2016)]. Organizaciya Obedinennyh Nacij, Nyu-Jork, 2016 [Electronic resource]. URL: http://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf [in Russian]
- [El-Hinnawi, 1985](#) – *El-Hinnawi E.* (1985). Environmental Refugees. United National Environmental Programme. Nairobi, 1985. [Electronic resource]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/121267>
- [Globalnyj dogovor, 2018](#) – Globalnyj dogovor OON o migracii: polnyj tekst [UN treaty of migration: full text]. [Electronic resource]. URL: <https://rus.err.ee/877566/globalnyj-dogovor-oon-o-migracii-polnyj-tekst> [in Russian]
- [Kalyuzhnij, Timchik, 2015](#) – Kalyuzhnij R.A., Timchik G.S. (2015). Administrativno-pravovij status, osib viznanih bizhencyami v Ukraini: monografiya. K.: «MP Lesya». 192 p. [in Ukrainian]
- [Kenig-Witkowska, 2013](#) – Kenig-Witkowska M.M. (2013). Problematyka «uchodzcow srodowiskowych» w prawie miedzynarodowym. *Panstwo i prawo*. W-wa, № 10. pp. 5-20. [Electronic resource]. URL: <http://czytelniaonline.pl/magazine/16777547/2013/10/toc>
- [Konvenciya, 1951](#) – Konvenciya pro status bizhenciv: uhvalena 28 lipnya 1951 roku Konferencyeyu povnovaznih predstavnikov z pitan bizhenciv i apatridiv / Baza «Zakonodavstvo Ukraini» URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_011/page [in Ukrainian].
- [Migration and Climate Change](#) – Migration and Climate Change. Definitional Issues / IOM UN Migration official site. [Electronic resource]. URL: <https://www.iom.int/definitional-issues>
- [Migration, Environment and Climate Change, 2014](#) – Migration, Environment and Climate Change: Evidence for Policy. Glossary / International Organization for Migration (IOM), July,

2014. 30 p. [Electronic resource]. URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/meclep_glossary_en.pdf?language=en

New York Declaration, 2016 – New York Declaration for Refugees and Migrants Resolution adopted by the General Assembly on 19 September 2016. [Electronic resource]. URL: <https://refugeesmigrants.un.org/declaration>

New Zealand: Case Overview, 2015 – New Zealand: ‘Climate Change Refugee’ Case Overview. July 2015 / The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/climate-change-refugee/new-zealand-climate-change-refugee-case.pdf>

Platform on Disaster, 2016 – Platform on Disaster Displacement. Web-sight. [Electronic resource]. URL: <https://disasterdisplacement.org/resources>

Tetrick, 2018 – Tetrick S. (2018). Climate Refugees: Establishing Legal Responses and U.S. Policy Possibilities. *Scholarly Horizons: University of Minnesota, Morris Undergraduate Journal*. Vol. 5, Is. 2. [Electronic resource]. URL: <https://digitalcommons.morris.umn.edu/horizons/vol5/iss2/8>

The Environment & Climate Change, 2015 – The Environment & Climate Change Updated Version / UNHCR, October 2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.unhcr.org/540854f49>

Treaty of Lisbon, 2007 – Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C 306/01) / EurLex. Access to European Union Law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT>

Vasileva, 2018 – Vasileva A.A. (2018). Mezhdunarodno-pravovye posledstviya ischeznoveniya territorij gosudarstv [The international legal consequences of the disappearance of the territories of states]: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. jurid. nauk: 12.00.10 mezhdunarodnoe pravo; evropejskoe pravo. M., 26 p [in Russian]

World Disasters Report, 2016 – World Disasters Report. 2016 / IFR. [Electronic resource]. URL: https://www.ifrc.org/Global/Documents/Secretariat/201610/WDR%202016-FINAL_web.pdf

Экологическая миграция: вызовы для современного международного права

Владислава Николаевна Завгородняя^{a,*}, Елизавета Андреевна Полянская^a

^a Сумской государственной университет, Украина

Аннотация. Статья посвящена проблеме экологических беженцев и поиску возможных путей их защиты международно-правовыми средствами. Авторами предпринята попытка определения правового статуса экологических беженцев, выявления критериев для их отграничения от иных категорий вынужденных мигрантов. Исследуются возможности применения действующих норм международного права в отношении экологических беженцев с целью обеспечения их защиты и соблюдения интересов государств, на территорию которых они пребывают. Рассматриваются перспективы и возможные пути совершенствования международно-правового урегулирования в этой сфере.

Авторы приходят к выводу о том, что экологические беженцы должны быть признаны юридически как отдельная категория вынужденных мигрантов с соответствующим наделением их правовым статусом. Оптимальным путем для этого представляется принятие отдельного международного договора, который урегулировал бы эти вопросы, внедрил бы квотный принцип распределения экологических беженцев между странами в зависимости от размера территории, плотности населения и финансово-экономических ресурсов. Целесообразным также является определение государств и территорий, нуждающихся в первоочередной помощи, а принципов реализации совместных межгосударственных проектов, направленных на снятие напряженности в области экологической миграции.

Ключевые слова: вынужденная миграция, экологическая миграция, изменение климата, международное право экологические беженцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (В.Н. Завгородняя)